

в Киеве, т. е. в двух главных центрах византийской экспансии того времени.

Прежде чем обратиться к ним, процитируем Никиту Хониата, который списывает уже упомянутое выше изображение, заказанное императором Андроником I Комнином в 80-х годах XII в. для одного из фасадов построенной им церкви Сорока Мучеников. По словам Никиты Хониата, «с внешней стороны (церкви), близ северных врат храма, выходящих на площадь, он на огромной картине изобразил самого себя не в царском облачении и не в золотом императорском одеянии, но в виде бедного земледельца, в одежде синего цвета, опускающейся до поясицы, и в белых сапогах, доходящих до колен. В руке у этого земледельца была тяжелая и большая кривая коса, и он, склонившись, хватал и ловил ею прекраснейшего юношу, видного только до плеч и шеи. Этой картиной он явно открывал прохожим свои беспорядочные дела, громко проповедаю и выставляя на вид, что он убил наследника престола и вместе с его властью присвоил себе и его невесту».¹⁶ Так как совершенно невероятно, чтобы кто-нибудь мог похвалиться таким преступлением, толкование рельефа у Никиты Хониата кажется маловероятным. Упомянутое изображение, изготовление которого Хониат приписывает Андронику I, вероятно потому, что оно находилось на стене им построенной церкви, скорее представляет собой какой-нибудь мифологический сюжет. Так, на западном фасаде церкви св. Марка в Венеции видны два рельефа XI—XII вв., изображающие подвиги Геркулеса. На одном из них, в эпизоде с кабаном из Эриманта, рядом с Геркулесом видна маленькая фигура Еврисфея. Как и юноша в описании Хониата, эта фигура представлена только до высоты груди и протягивает руки, как бы защищаясь. Можно было бы думать, что константинопольское изображение повторяло тот же сюжет, но этому препятствует другая часть описания Хониата. Любопытно во всяком случае, что рельеф, изображающий именно эту сцену, вставлен в западный фасад церкви св. Марка в Венеции.

Кого бы ни представлял персонаж «с косой», сюжет этого изображения был во всяком случае не церковным, а светским. Текст Хониата не позволяет решить, был ли это рельеф или мозаика (фреска на внешней стене слишком неправдоподобна). Упоминание двух красок говорит скорее в пользу мозаики, но у нас нет никаких указаний на присутствие мозаик на внешних стенах византийских средневековых церквей; кроме того, кажется маловероятным, чтобы мозаика светского сюжета могла быть использована для украшения церкви, хотя бы и с внешней стороны. Между тем рельеф, который мог быть раскрашен, изготовлялся отдельно и, возможно, первоначально даже не для того, чтобы быть вделанным в стену церкви. Рельеф оставался автономным предметом, который как бы «присоединялся» к церковному зданию для украшения его внешней стены. Хониат специально упоминает: изображение было на внешней стене, хотя и боковой (северной), но со стороны площади, т. е. там, где оно было виднее всего.

¹⁶ Это изображение едва ли было «статуей», как предполагает Р. Жанэн (R. Janin. *La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin*, стр. 499—500), опускающий часть текста Хониата, из которого следует, что на этом изображении можно было видеть не только императора Андроника, но и то, как он преследует молодого Алексея II. Отвергая маловероятную интерпретацию Хониата, мы можем думать, что речь у него шла скорее о каком-то рельефе, вероятно, светского содержания, античном или сделанном по античной модели. Средневековые авторы очень часто неверно истолковывали такого рода изображения. Фигура с косой напоминает иконографию, типичную для аллегорических изображений месяцев июня или июля. Рельеф мог восходить к одному из циклов этого рода изображений в Константинополе, о которых упоминают тексты и примеры которых сохранились в византийских рукописях с иллюстрациями (см. ниже, прим. 63).